

## [Научная Жизнь]

Ни М. Л., Иванова А. А.

Назад к общению: возвращая человеческое  
в эпоху машинных коммуникаций  
(рецензия на книгу)

## НАЗАД К ОБЩЕНИЮ: ВОЗВРАЩАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ В ЭПОХУ МАШИННЫХ КОММУНИКАЦИЙ

РЕЦЕНЗИЯ НА: А.В. РЕЗАЕВ, Н.Д. ТРЕГУБОВА, «МИР ОБЩЕНИЯ В  
СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ», М.: «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ  
КНИГА», 2017.<sup>1</sup>

Ни М. Л.

Санкт-Петербургский государственный университет

Иванова А. А.

Санкт-Петербургский государственный университет  
[anaspis100@gmail.com](mailto:anaspis100@gmail.com)

Жизнь сообща, сообщаясь – одна из важнейших черт подлинно человеческого существования. Совместная жизнь дана нам в непроблематичной форме, мы воспринимаем её в готовых само-с собой-разумеющихся феноменальных терминах: дружба, любовь, вражда, драка. Однако, долг социального ученого требует отмежеваться от профанного взгляда и сделать реальность совместной жизни поддающейся научному анализу. Как это возможно?

Социологическое исследование допускает два варианта аналитических стратегий: познание по аналогии и тематизацию<sup>2</sup>. Первая предполагает метафорическую формулу «феномен как X», где на месте X мы можем поставить нечто уже знакомое. Вторая нацелена на концептуализацию объекта исследования в его собственных терминах. Исторически сложилось так, что первая стратегия стала главенствующей в социальных науках. Формулы: “общество как организм”, “общество как система”, “общество как театр” и. т.п. заняли прочное место в словаре социальных наук, что, вне всяких сомнений, является продуктивным решением, но с неизбежностью уводит внимание исследователей от

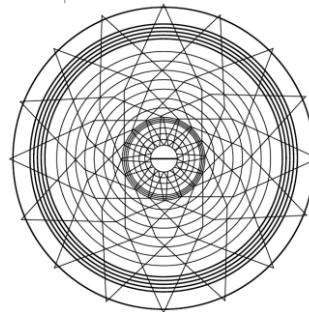
<sup>1</sup> Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 18-78-10049.

<sup>2</sup> Разумеется, это серьезное упрощение, которое, тем не менее, кажется нам имеющим право на существование. Мы также опустим дискуссию о месте метафоры в социологическом познании, а также споры о том, стоит ли отказаться от метафорического способа мышления в социальных науках или же метафорический механизм является неизбежным и необходимым на этапе концептуализации социологических исследований.

## [Научная Жизнь]

Ни М. Л., Иванова А. А.

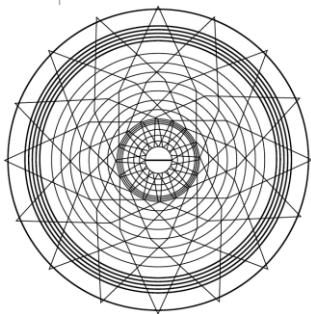
*Назад к общению: возвращая человеческое  
в эпоху машинных коммуникаций  
(рецензия на книгу)*



механизмов общения *per se*. Монография петербургских социологов Андрея Владимировича Резаева и Натальи Дамировны Трегубовой представляет собой попытку пере-фокусировки оптики современной социальной теории посредством обращения к анализу базовых операций установления межчеловеческой совместности. Авторы рецензируемой монографии настаивают на том, что изучение общения является одной из важнейших точек роста для социологической теории в целом.

Исследование начинается с тезиса о необходимости теории общения как недостающего звена в осмыслиении самого общества. Авторы переосмысляют наследие классиков современной социологической мысли: Карла Маркса, Эмиля Дюркгейма, Макса Вебера и Георга Зиммеля. В работах каждого из них обнаруживаются фрагменты либо напрямую, либо косвенно указывающие на принципиальную важность аналитики общения для социальной теории. Так, Маркс вводит различие материального и духовного общения (*Verkher*), посредством которых и производится общественная жизнь. Дюркгейм акцентирует внимание на роли совместно исполняемых ритуалов, требующих физического соприсутствия, синхронизации двигательной активности и достижения особого «градуса» бурления (*effervescence*) как источнике обобщенных категорий мышления и в целом – солидарности. Зиммель анализирует структурное оформление взаимодействия в зависимости от числа участников и внешних условий. Наконец, Вебер вводит различие между действием самим по себе и социальным действием, где неотъемлемой характеристикой второго является ориентация на другого человека. Таким образом, демонстрируется, что проблематика общения в том или ином виде характерна для социологии с момента ее оформления в самостоятельную научную дисциплину в трудах классиков. Анализируя “взлеты” и “падения” проблематики общения в дальнейшей истории социологии вплоть до наших дней, авторы утверждают, что в настоящее время “начинает кристаллизоваться новое направление, осмысляющее процессы общения – “социология общения” (с.б. курсив ориг.). Отсюда и нетривиальный замысел монографии – рассмотреть возможность и действительность теории общения.

Важно отметить, что методологически анализ выстроен посредством введения различия между общением как феноменом и как исследовательской проблемой. Феномен общения существует в реальности, однако разные направления, даже внутри одной дисциплины, по-разному формулируют исследовательские вопросы об общении, интересуются разными его аспектами и характеристиками. Еще одно важное различие проходит между фиксацией и проблематизацией общения: фиксация предполагает, что «в круг явлений, которые исследует дисциплина или ее направление, включаются процессы общения, однако исследовательские вопросы о них ставятся исключительно во «внешних»



## [Научная Жизнь]

Ни М. Л., Иванова А. А.

*Назад к общению: возвращая человеческое  
в эпоху машинных коммуникаций  
(рецензия на книгу)*

терминах – например, проявлений внутриличностных особенностей или воспроизведения социальной структуры», проблематизация же «требует, чтобы внимание исследователя было направлено на процессы общения как таковые – на возникновение, формирование, воспроизведение и разрушение межчеловеческих взаимосвязей на уровне непосредственных взаимодействий» (с. 16-17). Если обобщать содержание книги, А.В. Резаев и Н.Д. Трегубова утверждают следующее: начиная со времени своего возникновения, социальная наука чаще занималась фиксацией феномена общения во «внешних» терминах (социальная структура, роли, коммуникация) нежели его проблематизацией, однако сегодня существуют социологические теории, которые рассматривают проблемы общения в собственных терминах. И именно эти теории, по мнению авторов, являются наиболее перспективными для концептуального осмыслиения (и эмпирического анализа) общения не только для социологии, но и для всей социальной теории.

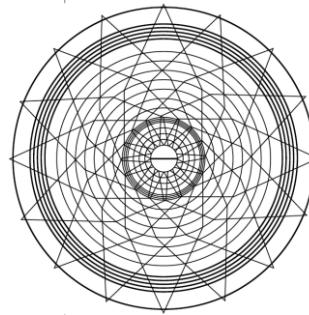
Роль общения как «недостающей массы» социальной жизни выясняется авторами через критический анализ теорий, ставящих во главу угла концепт «коммуникации». По справедливому замечанию Дж. Петерса, приведённому в монографии, «коммуникация – это слово, которое используют, чтобы охватить несочетаемое сочетание идей, институтов, технологий и интересов» (с.31). Некритическое отношение к использованию этого понятия привело к тому, что сегодня «коммуникацией» именуются любые формы взаимодействия между людьми, искусственными системами, а также объектами живой и неживой природы. В монографии посредством детального анализа базовых концепций коммуникации убедительно демонстрируется, что коммуникация без общения – это нечто характерное скорее для машин, нежели для человека. Базовая модель коммуникации фиксирует внимание на том, как происходит понимание между акторами, но при этом представляет их в виде статичных машин. В этой картине мира есть 1) источник сигнала; 2) само послание, 3) преобразователь информации, 4) получатель сигнала и 5) цель (модель К. Шеннона и У. Уивера).

Таким образом, анализ коммуникации сосредоточен на вопросах о том, была ли достигнута цель коммуникации, что помешало адекватному пониманию и каким образом исходная информация была декодирована для получения финального сообщения. В этом отношении общение, как феномен присущий человеческой природе, по мысли авторов, существенно отличается от коммуникации. Во-первых, общение может иметь спонтанный характер. Во-вторых, общение – это нелинейный процесс. Для поддержания процесса общения обладание полным набором знаний по теме не всегда является обязательным фактором. Зачастую в процессе беседы участники учатся «на лету», разветвляя разговор, «перескакивая» с темы на тему. Кроме того, то, что в теории коммуникации

## [Научная Жизнь]

Ни М. Л., Иванова А. А.

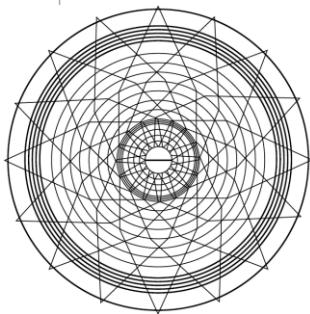
*Назад к общению: возвращая человеческое  
в эпоху машинных коммуникаций  
(рецензия на книгу)*



определяется как «помеха», в процессе взаимодействия может использоваться как ресурс для понимания или перехвата инициативы. Таким образом, тщательная работа с понятием «коммуникация» позволяет авторам подготовить плацдарм для выделения социологических подходов, представляющих теоретические ресурсы для конструирования теории общения. Детальному разбору, сравнению и критическому анализу современных социологических теорий посвящена вторая глава монографии. Авторы выделяют подходы не-проблематизирующие, де-проблематизирующие и ре-проблематизирующие общение. Для иллюстрации не-проблематизирующей группы избирается концепция социальных навыков Н. Флигстина, согласно которой успех действий акторов в рыночных условиях зависит от навыков стратегического кооперирования. Под этими навыками подразумевается «высокоразвитая способность индивидов и коллективных акторов к пониманию людей и окружения» (с.46). Другое дело, что описание механизма действия и специфического способа фиксации феномена социальных навыков Флигстин не приводит. Таким образом, процессы взаимодействия, конституирующие «социальные навыки», принимаются само-собой-разумеющимися, не важными для детального анализа (но, по всей видимости, важными как необходимая деталь объяснительной схемы). Будучи имплицитно встроенным в концепцию, общение остается за рамками целенаправленного осмысливания.

Де-проблематизирующий подход представлен системной теорией Никласа Лумана. Авторы акцентируют внимание на амбивалентной связи между интеракцией и обществом как всеохватывающей социальной системой. Общество предоставляет необходимый набор тем и кодов, интеракция реализует их. Казалось бы, в чём здесь может быть проблема? Дело в том, что многогранность и контингентность общения как процесса слабо коррелирует с системной теорией: «Предполагается, что как социальные системы они «состоят» из коммуникаций. Однако эти коммуникации не могут действовать без механизмов восприятия, и, что более важно, для интеракций важно соприсутствие, которое обретает почти магический потенциал в своей способности порождать коммуникации. Кроме того, взаимодействия почти никогда не могут быть тематизированы в рамках лишь одной подсистемы» (с.53). Это атака одновременно и на Лумана, и на Ирвинга Гофмана, собирающих свои теории исходя из существования жестких структур.

Наконец, тематика возвращения (ре-проблематизации) общения как феномена и исследовательской проблемы прослеживается авторами в концепциях порядков взаимодействия Энн Уорфилд Ролз, теории ритуалов интеракции Рэндалла Коллинза, теории социального перформанса Джейфри Александера и теории межличностного поведения Джонатана Тернера. Общей чертой приведенных подходов является признание до-



## [Научная Жизнь]

Ни М. Л., Иванова А. А.

*Назад к общению: возвращая человеческое  
в эпоху машинных коммуникаций  
(рецензия на книгу)*

определенной степени независимого характера социальных взаимодействий. Они не сводятся к структурным эффектам или действиям психологических факторов и, по большей части, осмысляются в собственных терминах. Представляется, что именно поэтому данные концепции могут быть использованы в качестве своего рода базы для создания общей социальной теории общения, его структурного определения, не сводимого к старым терминам: интеракция, взаимодействие и коммуникация.

В результате, авторы не дают строгого определения общения, но выстраивают пролегомены к новой области посредством трёх этапов: 1) различия феномена и проблемы; 2) негативного определения по формуле: общение – это не...; 3) позитивного определения через выделение сущностных черт общения.

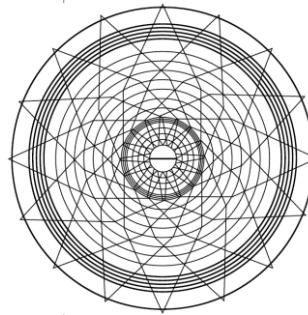
Аргументация авторов исследования выполнена на высоком уровне, и актуальность концептуализации общения в социальных науках не вызывает сомнения. С другой стороны, анализ ре-проблематизирующих теорий содержит один локальный недочет. В параграфе 2.2. описывается концепция порядков взаимодействия Энн Ролз, согласно которому социальная теория должна различать два типа социальной упорядоченности: институциональный порядок и порядок взаимодействия. Порядок взаимодействия трактуется как реальность *sui generis*, в основании которой лежат потребности людей в поддержании социального Я (*Self*). Ситуация взаимодействия накладывает на *Self* участников моральные ограничения, задающие понятие нормальности происходящего. Непроблематичные ситуации характеризуются установлением и поддержанием «рабочего консенсуса», а при его нарушении происходит «коллапс» взаимодействия. Свою концепцию Ролз иллюстрирует примерами детального анализа записей разговоров между американцами, идентифициирующими себя как «чёрные» и «белые». В более поздних статьях методология работы с эмпирическими данными включала в себя использование техник конверсационного анализа, учитывающего т.н. «мета-данные» (паузы, вздохи, всхлипы, и.т.п.) Основное внимание мы хотели бы обратить на момент, когда авторы задают вопрос о том, что представляет собой конституирование *Self* в общении: «Энн Ролз по-видимому имеет в виду 1) фоновые правила, которые основаны на 2) принятии перспективы другого» (с. 78).

Здесь и далее авторы утверждают, что Ролз обращается к концепции интерсубъективности по Гуссерлю и ее рецепции у Альфреда Щюца, в частности, к тезису о взаимности перспектив и принятию гипотезы индивидуального жизненного мира как основания для возможности понимания другого. Такого рода гипотеза кажется нам сомнительной. Если мы принимаем тезис взаимности перспектив, то не вполне ясно, для чего необходим тщательный эмпирический анализ. Согласно

## [Научная Жизнь]

Ни М. Л., Иванова А. А.

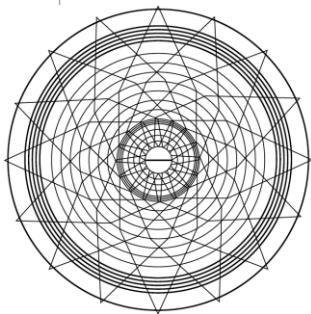
*Назад к общению: возвращая человеческое  
в эпоху машинных коммуникаций  
(рецензия на книгу)*



феноменологической максиме, получить доступ к сознанию другого мы не можем, именно поэтому у нас остается единственный инструмент и, одновременно, объект исследования – собственное сознание, ноэма. В этом плане феноменологическая социология так же не выходит на эмпирический уровень, ограничиваясь теоретическими описаниями возможности социальной упорядоченности взаимодействия. Эмпирический материал может быть, в лучшем случае, использован как иллюстрация. Это значит, что Ролз выбирает иные философские основания для выстраивания своей концепции, ведь записи разговоров имеют для нее принципиальное значение. Она опирается на идею конститутивного порядка Гарольда Гарфинкеля, согласно которому «узнаванию» подлежит не целостный объект вообще, а совокупность деталей доступных человеку в пределах его феноменального поля. Феномены социальной жизни производятся каждый раз, как в первый раз, то есть в каждой новой ситуации взаимодействия люди последовательно конституируют узнаваемые черты социального объекта. «Консенсус», таким образом, можно трактовать как последовательное и методичное производство деталей нормально опознаваемой практики, а «коллапс» - как ситуацию, когда последовательность производства нарушается и не подлежит восстановлению, что можно проследить посредством доступа к документальным данным. Интерсубъективность и Self у Энн Ролз являются достижимыми феноменами, на пути к которому может повстречаться множество непредсказуемых моментов.

Оставляя эти положения для дальнейшей дискуссии и переходя от концептуального разбора поставленной проблематики, мы хотим отметить принципиальные преимущества рецензируемой монографии. Как нам кажется, «Мир общения...» может быть интересен как минимум трем группам читателей.

Во-первых, книга будет интересна исследователям, занимающимся проблемами коммуникации, информационного общества, новых форм взаимодействия и пр. – независимо от их дисциплинарной принадлежности. Монография редко выходит на уровень эмпирических исследований, однако она предлагает достаточно четкие разграничения между понятиями «коммуникация», «общение», «социальное взаимодействие» и показывает, в каком случае уместно использовать каждое из них. Знакомство с данной монографией поможет читателю понять, в чем может заключаться разница между «информационным обществом» и «интеракционным обществом», между новыми средствами коммуникации и новыми формами социального взаимодействия, между обменом информацией в ходе коммуникации и создающим общность общением и т.д. Следует заметить, что с авторскими определениями можно не соглашаться (например, разграничение между коммуникацией и общением может показаться слишком резким), однако



## [Научная Жизнь]

Ни М. Л., Иванова А. А.

*Назад к общению: возвращая человеческое  
в эпоху машинных коммуникаций  
(рецензия на книгу)*

они полезны для осознания терминологической путаницы и поиска выходов из нее.

Во-вторых, монография будет полезна студентам (и преподавателям), осваивающим курсы по социологической теории. А.В. Резаев и Н.Д. Трегубова знакомят нас с краткой историей теоретизирования феномена общения в социологии, начиная с классиков; они также дают характеристику теориям современных авторов, многие из которых почти не переводились на русский язык. Таким образом, рецензируемую монографию можно использовать и в качестве дополнительной литературы (в курсах по истории социологии) и в качестве основного материала для изучения (в курсах по современной социологической теории и по микросоциологии).

Наконец, «Мир общения в социологическом измерении» представляет интерес одновременно для историков науки и для социальных теоретиков. С этой точки зрения, книга излагает довольно сложный аргумент, который соединяет две традиции изучения социальных феноменов – советскую социально-философскую и социально-психологическую традицию понимания общения и современную теоретическую социологию, развивающуюся в США и Западной Европе. Несмотря на явное различие (региональное, дисциплинарное, языковое) между этими традициями, авторы утверждают, что они могут рассматриваться как часть одного предприятия – изучения «парадоксального, многогранного, неуловимого и при этом принципиально важного феномена общения» (с. 84). В соответствии с этим, в монографии можно проследить две «истории»: первая – о том, как общение исследовали советские (а позже российские) философы и ученые, вторая – о том, как общение стало проблемой для социологии, преимущественно «западной» дисциплины.

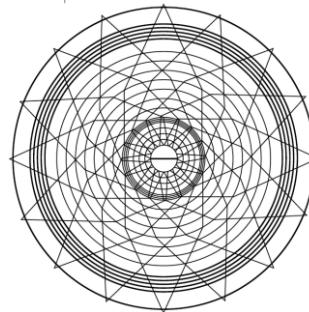
История советской традиции в рамках рецензируемой монографии – это рассказ о постепенном угасании социально-философского анализа общения: с одной стороны, о его «растворении» в эмпирических исследованиях (в психологии), с другой – о замыкании абстрактной дискуссии вокруг ограниченного набора фигур (в философии). Почему авторы решают рассказать читателю эту историю? Потому что, как они утверждают, «само понятие «общение»... сегодня выглядит устаревшим и маргинальным, тогда как проблемы общения, напротив, являются актуальными во всех четырех дисциплинах» (с. 126). Соответственно, полузабытая традиция может быть «реанимирована». И для того, чтобы показать, как это может быть сделано, авторы обращаются к «западной» социологической теории.

В какой мере две истории – о советской социальной философии и о «несоветской» социологии – складываются в одну? По сути, это две разные истории, которые едва ли пересекаются в настоящем. Наверное, будет

## [Научная Жизнь]

Ни М. Л., Иванова А. А.

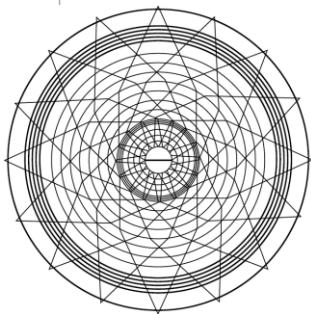
*Назад к общению: возвращая человеческое  
в эпоху машинных коммуникаций  
(рецензия на книгу)*



справедливым замечание о том, что главная цель монографии как раз и состоит в том, чтобы показать, что две традиции могут быть соединены, более того, такое соединение является желательным. Желание это исходит, по-видимому, из того, что проблемы общения представляются концептуально интересными, фундаментальными с точки зрения воспроизведения общества и вместе с тем «свежими» – в том отношении, что их исследовали менее чем что-либо еще.

Вместе с тем, заявление авторов сталкивается с двумя возражениями. Во-первых, несмотря на стройность аргументации, монография едва ли убеждает в том, что общение должно стать важнейшей проблемой социальной теории и эмпирической социологии: авторы, в лучшем случае, показывают несколько примеров того, почему это может быть интересным и плодотворным направлением анализа. Однако читателя, заранее не симпатизирующего «микросоциологии» или «социологии повседневности», они вряд ли убедят. Во-вторых, сама рецензируемая монография отмечает серьезный разрыв между теориями общения и эмпирическими возможностями для изучения и осмысления общения в позитивной науке: первые существуют как увлекательные концептуальные программы, в то время как вторые остаются маргинальными либо используют методы, не адекватные своему предмету. Насколько этот разрыв может быть преодолен (и будет ли он преодолен в рамках именно социологии) – открытый вопрос, ответ на который в значительной степени зависит от доброй воли социологического сообщества (а это отсылает нас к первому возражению).

Подводя итоги, можно говорить о том, что монография «Мир общения в социологическом измерении» является весьма аргументированной и содержательной в своей «позитивной» части – в описании, анализе и критике теорий общения и в обзоре эмпирических исследований, касающихся проблем общения. В «нормативной» же части она является дискуссионной, спорной в прямом смысле этого слова: она побуждает к спору или с авторами, или на их стороне. В целом же книга представляет собой интерес и для сложившихся ученых, и для молодых исследователей, и для студентов, и может быть смело рекомендована к прочтению.



## [Научная Жизнь]

Ни М. Л., Иванова А. А.

Назад к общению: возвращая человеческое  
в эпоху машинных коммуникаций  
(рецензия на книгу)

## BACK TO INTERACTION: RECOVERING THE HUMAN IN THE AGE OF MACHINE COMMUNICATIONS

REVIEW FOR THE BOOK: A.V. REZAEV, N.D. TREGUBOVA, "THE WORLD OF INTERACTION IN SOCIOLOGICAL DIMENSION", MOSCOW: UNIVERSITY BOOK, 2017

**Ni M.**

Saint-Petersburg State University

**Ivanova A.**

Saint-Petersburg State University

[anaspis100@gmail.com](mailto:anaspis100@gmail.com)

### **Abstract:**

The review is dedicated to the monography of Saint-Petersburg sociologists A. Rezaev and N. Tregubova, published in Russian in 2017. The authors of the book make it an attempt to re-focus the lenses of modern social theory, using the analysis of the basic operations of human interactions. The research of interaction ("obschenie", which is a specific concept of Russian sociology and communication school) can become the point of growth for the sociology and its theory in general. In the book Rezaev and Tregubova reflect the heritage of the classics of social thought: Karl Marx, Emile Durkheim, Max Weber, and Georg Simmel.

The authors divide the concept of interaction and concept of communication, focusing on the idea that communication without interaction is a feature of the machine rather than human-being.

This book is also an interesting attempt to combine the notions of Russian and Soviet social thought on the concept of interaction with the classical "western" sociology. This combination, authors argue, may be fruitful for both traditions.

**Keywords:** interaction, "obschenie", machine communications, book review